

Стратегическое соперничество и национальные стратегии США

Мэтью Ноймайер

Европейский центр исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла, <http://www.marshallcenter.org>

Аннотация: Стратегическое соперничество существенно изменило стратегическую мысль в США, включая стратегию национальной безопасности и военную стратегию, определив угрозы американскому лидерству и основанному на правилах международному порядку в основном со стороны Китая и России. Однако не все в правительстве США одинаково понимают термин «стратегическое соперничество», что приводит к различным взглядам на то, как нужно действовать. Кроме того, он неадекватно описывает отношение к международному соперничеству оппонентов, создавая риск просчётов и повышая вероятность конфликта. Наконец, для США стратегическое соперничество устанавливает рамки, фиксирующие проблемы американской стратегии и использование элементов национальной мощи. Хотя «стратегическое соперничество» необходимо для формулирования и определения американской стратегии и стратегического расчёта, это понятие неопределённо, несовершенно и способно сбить с толку руководителей.

Ключевые слова: стратегическое соперничество, стратегия национальной безопасности, Россия, Китай, ловушка Фукидида.

Вступление

Стратегическое соперничество – модный оборот в американской стратегии, призванный отразить суть стратегических принципов США. Как и многие образные выражения, оно одновременно и удачно, и нет. И стратегическое соперничество, и предшествовавшее ему соперничество великих держав в значительной степени помогли сформировать американскую стратегическую мысль, особенно стратегию национальной безопасности и военную

стратегию. Стратегическое соперничество также помогло определить угрозы американскому лидерству и основанному на правилах международному порядку, который США поддерживают, в первую очередь со стороны Китая и, в меньшей степени, России.

Однако не все в правительстве США одинаково понимают термин «стратегическое соперничество», что приводит к разным мнениям о том, как нужно действовать. Более того, он не в состоянии адекватно описать отношение соперников к международному соперничеству, создавая риск прочёта и повышая вероятность конфликта. Наконец, для Соединенных Штатов стратегическое соперничество усугубляет так называемую ловушку Фукидида, увековечивая дилеммы для стратегии США и использование ими элементов национальной мощи. Хотя «стратегическое соперничество» необходимо для формулирования и определения американской стратегии и стратегического расчёта, это понятие неопределённо, несовершенно и способно сбить с толку руководителей.

В этой статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы о взглядах США на стратегическое соперничество: Почему в США «стратегическое соперничество» используют как базовый конструкт в стратегии и стратегическом подходе? Как это понятие выражено в американской стратегии? Какие проблемы проистекают из американских представлений о стратегическом соперничестве?

Почему «Стратегическое соперничество»?

Термин «соперничество» появился в американских стратегиях, когда США начали сокращать своё присутствие в Ираке и Афганистане. Тем временем экономический рост Китая ускорился, а Россия продолжила свои агрессивные действия в «ближнем зарубежье». Администрация Обамы ввела «соперничество» в стратегию национальной безопасности, начав «поворот к Тихому океану» для противодействия растущей мощи Китая и признав рваншизм России, примером которого стала аннексия Крыма.¹ Однако сами термины и обороты «соперничество великих держав» и «стратегическое соперничество» были возвращены в американский лексикон в стратегиях национальной безопасности администраций Трампа и Байдена, соответственно. В обоих документах эти термины служили маяками, обозначая то положение в области безопасности, с которым сталкивалась каждая администрация.

Термин «Стратегическое соперничество» не нов. Стефани Уинклер лично прослеживает его использование с «разрядки» 1970-х годов времён Холодной войны через второй срок Буша и до администраций Трампа и Байдена. Во время Холодной войны этот термин использовали для описания отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Позднее,

¹ Barack Obama, *National Security Strategy* (Washington, DC: White House, February 2015), 24, 29, https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf.

при Буше, Трампе и Байдене, он эволюционировал в «принципиальный политический подход» — конечную цель.² Однако, как мы покажем в этой статье, его нынешнее использование в американской стратегии проблематично. Стратегическое соперничество интерпретируют как конечную цель и относительную динамику, или как цель, в отличие от «положения дел», что побуждает к различным действиям. Таким образом, двойное толкование «стратегического соперничества» в США одновременно помогает и мешает. Хотя этот термин помогает понять ситуацию в области безопасности и определить угрозы, он усложняет действия США, когда различные ветви власти неодинаково понимают его.³

Как США оказались там, где они оказались?

Нынешняя картина безопасности является результатом геополитических сдвигов последних сорока лет, включая окончание Холодной войны, миг однополярности Америки и последующие действия России и Китая. После Холодной войны США в 1990-х годах стали единственной сверхдержавой. В американских политических и научных кругах преобладало мнение, что содействие демократическим реформам и экономическому процветанию бывших противников, таких как Россия, её сателлиты, бывшие страны Варшавского договора и советские республики, сделает будущие конфликты маловероятными. Эту логику распространяли и на развивающийся Китай: по мере его дальнейшей интеграции в международную систему либеральных экономических и дипломатических норм силы демократических реформ естественным образом изменят и исправят поведение Китая, превратив его в ответственного участника международного порядка.⁴ Критики часто резюмируют это оптимистическое мировоззрение выражением «конец истории», намекая на книгу Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек».⁵

² Stephanie Christine Winkler, “Strategic Competition and US-China Relations: A Conceptual Analysis,” *The Chinese Journal of International Politics* 16, no. 3 (Autumn 2023): 333-356, 334-335, 353, <https://doi.org/10.1093/cjip/poad008>.

³ Winkler, “Strategic Competition and US-China Relations,” 334-335.

⁴ Congressional Research Service, *Great Power Competition: Implications for Defense – Issues for Congress*, R43838 (Washington, DC: Congressional Research Service, May 16, 2023), 1 and Appendix A, <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R43838/95>; Donald Trump, *National Security Strategy of the United States of America* (Washington, DC: White House, December 2017), 26, <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

⁵ См. Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man* (New York, NY: Maxwell Macmillan, 1992). Выражение из названия книги «Конец истории...» описывает концепцию 1990-х годов, согласно которой теории, превозносящие либеральную демократию, стали доминировать в международных отношениях. Это направление мысли существенно повлияло на стратегическую мысль США, когда те были единственной сверхдержавой после окончания Холодной войны, и упоминается в современных стратегиях стратегического соперничества.

Такое мышление проникло в стратегическую мысль США ещё при администрации Обамы, когда в стратегии национальной безопасности было заявлено: «Соединенные Штаты приветствуют подъём стабильного, мирного и процветающего Китая». ⁶ США и их союзники отождествляли «победу» в Холодной войне со стратегическим подходом к будущему. Коллективный Запад верил, что его победа естественным образом приведет к эпохе процветания, а значит, мира. ⁷

Однако различные силы и события создали совершенно иную обстановку безопасности для США. Во-первых, противники Америки понимали окончание Холодной войны иначе. Они, наоборот, видели в силах либеральной демократии угрозу своим режимам и своей власти. Во-вторых, после победы в Холодной войне Соединенные Штаты не смогли выработать новую стратегию для защиты своего с таким трудом завоёванного успеха. Такое пренебрежение привело к бессистемному подходу к безопасности, предполагавшему, что бывшие противники воспримут либеральную демократию и интересы США, даже когда эти же противники искали относительных преимуществ. В-третьих, после 11 сентября США были поглощены конфликтами в Ираке и Афганистане, взяв на себя бремя долгосрочных операций по борьбе с повстанцами и усилия по государственному строительству, требующие много ресурсов и времени. ⁸

Что в имени твоём?

Последние национальные стратегии США чётко объясняют почему необходимо стратегическое соперничество, и разные администрации придерживаются одинаковой терминологии. Стратегия национальной безопасности Байдена ясно заявляет об этом во вступительном слове президента: «Мы находимся в процессе стратегического соперничества, формирующего будущее международного порядка». ⁹ Хотя введение в стратегию национальной безопасности Трампа вращается вокруг идеи «Америка прежде всего», в нём также утверждается, что сила Америки обеспечит преимущества, ведущие к «лучшему будущему» и «балансу сил, который выгоден Соединенным Штатам, [их] союзникам и партнёрам». ¹⁰ США используют стратегическое соперничество, чтобы переосмыслить своё стратегическое мышление после Холодной войны на новый конструкт со старым названием, подчер-

⁶ Obama, *National Security Strategy*, 24.

⁷ Joseph R. Biden, *National Security Strategy* (Washington, DC: White House, October 2022), 8, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>; Trump, *National Security Strategy of the United States of America*, 26.

⁸ Congressional Research Service, *Great Power Competition: Implications for Defense*, 1 and Appendix A, 38.

⁹ Biden, *National Security Strategy*, 2.

¹⁰ Trump, *National Security Strategy of the United States of America*, ii.

кивая, что понимание и участие в стратегическом соперничестве являются императивом для будущего страны.

Термины «соперничество великих держав» и «стратегическое соперничество» вновь появились в стратегическом дискурсе США администраций Трампа и Байдена, соответственно. Впервые после Холодной войны эти термины стали центральными в стратегиях целей, задач и приоритетов обеих администраций.¹¹ Они формируют лексикон, используемый правительственными органами США для обоснования своих стратегических действий, включая, в частности, стратегии, планы, приоритеты и решения о финансировании.¹² Но ни одна из администраций не дала четкого определения этим терминам, что ведёт к разным толкованиям их значения. Это отсутствие ясности проявляется в несколько разных подходах к решению проблемы, что делает критически важным понимание того, как США видят и реализуют стратегическое соперничество.¹³

Почему американское видение столь важно?

Американские лидеры и стратегии формулируют нынешнее геополитическое соперничество в идеологических терминах: демократия против авторитаризма и порядок на основе правил против ревизионизма и реваншизма. Эти формулировки позиционируют США и их союзников как защитников статус-кво, приверженных сохранению существующего мирового порядка, изображая Китай и Россию ревизионистами, стремящимися подчинить или переделать его.¹⁴ Даже в рамках концепции «Америка прежде всего» администрация Трампа характеризовала эти «вызовы» как конкуренцию демократических и авторитарических ценностей.¹⁵ Эта идеологическая схема важна для понимания американского конструкта стратегического соперничества и его потенциальных последствий: подчёркивая идеологическую составляющую, США позиционировали себя как державу «статус-кво», отстаивающую либеральную демократию и её ценности – это принципиальная цель.

Почему Америка видит это именно так?

Язык стратегий администраций Трампа и Байдена отражает нацеленность на привлечение союзников и партнёров для сохранения международного порядка на основе правил. Это важно, чтобы сберечь преимущества, полу-

¹¹ Winkler, “Strategic Competition and US-China Relations,” 345, 249-350.

¹² Alexander Boroff, “What Is Great-Power Competition, Anyway?” *Modern War Institute at West Point*, April 17, 2020, <https://mwi.westpoint.edu/great-power-competition-anyway/>.

¹³ Cornell Overfield, “Biden’s ‘Strategic Competition’ Is a Step Back,” *Foreign Policy*, October 13, 2021, <https://foreignpolicy.com/2021/10/13/biden-strategic-competition-national-defense-strategy/>.

¹⁴ Biden, *National Security Strategy*, 3, 7-9.

¹⁵ Trump, *National Security Strategy of the United States of America*, 3.

ченные США после окончания Второй мировой войны, и сохранить позицию силы по отношению к растущим соперникам, особенно Китаю. Акцент на стратегическом соперничестве отражает научный подход, помещающий США в рамки ловушки Фукидида. В своей «Истории Пелопоннесской войны» Фукидид описывает, как война между Спартой и Афинами стала «неизбежной», поскольку растущая мощь Афин угрожала преимущественному положению Спарты.¹⁶ Эта динамика, утверждает он, загоняет оба государства в цикл, ведущий к конфликту. Понимание этой ментальной модели необходимо для представления о том, как США видят и подходят к стратегическому соперничеству, особенно с Китаем.

Почему это важно? В науке ловушку Фукидида часто описывают как вероятное движение к конфликту и войне после длительного периода острой конкуренции. Грэм Эллисон предлагает интересное исследование этой перспективы в своей метко названной книге 2017 года «Обречённые воевать: Могут ли Америка и Китай избежать ловушки Фукидида?». В ней Эллисон изучает динамику ловушки Фукидида, анализируя исторические модели в шестнадцати похожих сценариях и проводя аналогии и параллели развития отношений между Соединёнными Штатами и Китаем с этими классическими примерами.¹⁷

Некоторые учёные предупреждали об этом сразу после окончания Холодной войны. Например, в своей книге 1995 года «О причинах войны и сохранении мира» Дональд Каган предостерегал, что оптимистические заявления об окончании войн и конфликтов преждевременны. Не называя прямо Россию или Китай, Каган утверждал, что соперничество государств естественно и неизбежно и что США должны оставаться бдительными и готовыми к этой реальности. В то время как многие учёные праздновали триумф международного либерализма, Каган говорил о важности уроков истории и призывал западные демократии сохранять мир, будучи готовыми к конфликту.¹⁸

Наука учит, что просчёт может привести к конфликту. В национальных стратегиях США появляется схожая научная и концептуальная риторика, хотя общепринятого американского определения «стратегического соперничества» и его последствий не существует. Хэл Брэндс отмечал это несоответствие в 2022 году, описав соперничество США с Россией и Китаем в тер-

¹⁶ Thucydides, Robert B. Strassler, and Richard Crawley, *The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to the Peloponnesian War*, 1st Touchstone ed. (New York, NY: Simon & Schuster, 1998). По моему опыту, это издание Фукидида по истории чаще всего используют в профессиональном военном образовании США.

¹⁷ Graham Allison, *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017). Такие авторы, как Хэл Брэндс, Элиот Коэн, Дональд Каган, Роберт Каган, Пол Кеннеди, Уолтер Рассел Мид и Дональд Стокер, использовали или ссылались на конструкт «статус-кво против растущей мощи» в своих трудах.

¹⁸ Donald Kagan, *On the Origins of War and the Preservation of Peace*, 1st ed. (New York, NY: Doubleday, 1995), 1-5.

минах Фукидида. Он предупредил, что эта конкуренция становится особенно опасной в период «сумерек» – переходного этапа, когда конфликт более вероятен, поскольку державы соперничают за преимущество. В такой период просчёты из-за непонимания могут легко спровоцировать войну.¹⁹ Поэтому идеологические цели, лежащие в основе нынешней стратегии Америки – стратегического соперничества – неизбежно вызывают трения, усиливающие эти риски.

Какова цель стратегического соперничества для Америки?

Сохранение международного порядка на основе правил

В условиях стратегического соперничества США стремятся поддерживать основанный на правилах международный порядок, который был выгоден США и их союзникам после Второй мировой войны. В нынешней стратегии национальной безопасности США подчёркивается, что этот международный порядок, установленный и защищаемый Соединёнными Штатами, обеспечивает стабильность и процветание не только США, но всех стран. В ней утверждается:

Наша цель ясна – мы хотим свободного, открытого, процветающего и безопасного международного порядка. Мы стремимся к порядку, свободному в том смысле, что позволяет людям пользоваться своими основными, универсальными правами и свободами. Он открыт в том смысле, что предоставляет всем странам, которые подпишутся под этими принципами, возможность участвовать и играть роль в создании правил. Он процветает в том смысле, что даёт всем странам возможность постоянно повышать уровень жизни своих граждан. И безопасен в том смысле, что он свободен от агрессии, принуждения и запугивания.²⁰

Этот международный порядок в минувшие 80 лет дал значительные преимущества США, их союзникам и партнёрам. Однако сравнение стратегий администраций Обамы и Байдена показывает, что стратегическое соперничество сместило фокус и цели американской дипломатии, направив США внутрь себя. В стратегии Обамы акцент был ясен из названия: «Международный порядок»,²¹ что отражало общую приверженность стабильности в мире. Напротив, стратегия Байдена под названием «Использование дипломатии для создания максимально сильных коалиций» отражает иной фокус и приоритет. Хотя в нынешней стратегии международный порядок по-прежнему назван жизненно важным интересом, её подход сосредоточен на создании коалиций и связей для поддержания основанного на правилах международного порядка, а не на поддержании самого порядка, как главной

¹⁹ Hal Brands, *The Twilight Struggle: What the Cold War Teaches Us About Great-Power Rivalry Today* (New Haven and London: Yale University Press, 2022), 1-9.

²⁰ Biden, *National Security Strategy*, 10-11.

²¹ Obama, *National Security Strategy*, 23.

цели.²² Опять-таки, различие поразительно: два президента с внешне схожими философскими подходами расставили приоритеты в американской дипломатии совершенно по-разному. Этот сдвиг отражает более широкий когнитивный переход от философий, сформировавших эпоху после Холодной войны, к стратегическому соперничеству как базовой концепции национальной безопасности сегодня. Эта трансформация дипломатически очень важна. Дипломатия США и мировой порядок опираются на американскую военную и экономическую мощь, которые сейчас слабнут, в сравнении с растущим влиянием Китая и разрушительными действиями России.²³ Эти сдвиги в приоритетах и действиях государства соответствуют динамике, описанной в парадигме ловушки Фукидида.

Поддержка экономического лидерства США посредством экономической стойкости

Американская экономика остается крупнейшей и самой мощной в мире, представляя собой величайшую силу страны. Однако стратегические цели США, связанные с экономическими возможностями и потенциалом, с переходом к стратегическому соперничеству изменились. Хотя философия Трампа «Америка прежде всего» существенно меняет экономический фокус, этот сдвиг лучше всего иллюстрируют различия в стратегиях Обамы и Байдена – двух президентов-демократов, некогда тесно сотрудничавших на посту президента и вице-президента. Хотя стратегия Обамы первой наметила на стратегическое соперничество, её экономические приоритеты были сосредоточены на глобальной торговле, соответствующей либерально-демократическим ценностям, и на поддержании свободы мировой экономики, опирающейся на международный порядок, основанный на правилах.²⁴ Напротив, стратегия экономического процветания Байдена больше похожа на подход Трампа, чем Обамы. Она концентрируется на укреплении «национальной мощи» путём наращивания внутреннего экономического потенциала – рабочей силы, технологических инноваций и производства – для обеспечения безопасности США через экономическую стойкость.²⁵ Этот сдвиг отражён и в нынешней стратегии Министерства торговли США, основанной на трёх ключевых принципах: инновациях, справедливости и устойчивости. Её пять главных целей в основном касаются укрепления экономики США, а не содействия глобальной экономической интеграции.²⁶ Это изменение иллюстрирует возврат США к стратегическому соперничеству. Оно

²² Biden, *National Security Strategy*, 16.

²³ Christopher Preble, “A Credible Grand Strategy: The Urgent Need to Set Priorities,” Stimson Report (Washington, D.C.: The Stimson Center, January 2024), 5, www.stimson.org/wp-content/uploads/2024/01/Grand-Strategy-Report-WEB.pdf.

²⁴ Obama, *National Security Strategy*, 15.

²⁵ Biden, *National Security Strategy*, 14-15.

²⁶ См. Gina Raimondo, U.S. Secretary of Commerce, “Innovation, Equity, and Resilience: Strengthening American Competitiveness in the 21st Century,” U.S. Department of

означает отказ от возникшего после Холодной войны представления, будто интеграция быстрорастущих стран, таких как Китай, в мировую экономику в конечном итоге превратит их в либеральные демократии, вписывающиеся в международный порядок, как его представляют в США.

Сохранение американского лидерства

Стратегия национальной обороны (СНО) 2018 года стала первым стратегическим документом, где термин «стратегическое соперничество» был прямо использован и обозначен как «главная забота» США и, соответственно, Вооружённых сил США. Это ознаменовало принципиальный переход Министерства обороны (МО) от стратегий борьбы с терроризмом и региональными противниками, такими, как Иран и Северная Корея, к чёткому признанию, что США конкурируют с такими державами, как Россия и Китай. В соответствии со своей стратегической культурой, американские военные потратили немало времени и сил на определение «стратегического соперничества». После его введения в СНО 2018 года МО в 2023 году опубликовало свою Общую концепцию соперничества, определив стратегическое соперничество как «упорную и длительную борьбу между двумя или более соперниками, преследующими несовместимые интересы, не обязательно вступая в вооружённый конфликт друг с другом».²⁷ Примечательно, что военное ведомство остаётся единственным, официально определившим стратегическое соперничество и включившим его в свою стратегию и планы. Другие ведомства, например, отвечающие за дипломатию, развитие и торговлю, не используют этот термин, несмотря на его роль базового конструкта стратегии национальной безопасности. Возникает важный вопрос: как США могут эффективно координировать и использовать элементы своей национальной мощи, если разные ведомства не разделяют общего понимания этой ключевой концепции?

Главный внутренний вызов военной мощи США в стратегическом соперничестве заключается в расстановке приоритетов. Как мы отметили, после Холодной войны превосходство США и отсутствие реальных конкурентов позволило Соединённым Штатам участвовать в конфликтах по всему миру, от Балкан до Ближнего Востока и Филиппин. После 11 сентября США проводили глобальные военные операции, задействуя большую часть своей во-

Commerce Strategic Plan 2022-2026 (Washington, D.C.: U.S. Department of Commerce, 2022), www.commerce.gov/sites/default/files/2022-03/DOC-Strategic-Plan-2022%E2%80%932026.pdf.

²⁷ “Joint Concept for Competing,” Joint Chiefs of Staff, February 10, 2023, <https://s3.documentcloud.org/documents/23698400/20230213-joint-concept-for-competing-signed.pdf>, iii; “Pentagon’s Joint Concept for Competing,” U.S. Naval Institute, March 9, 2023, <https://news.usni.org/2023/03/09/pentagons-joint-concept-for-competing>; Mark Pomerleau, “Pentagon Publishes New ‘Joint Concept for Competing,’ Warning That Adversaries Aim to ‘Win Without Fighting’,” *DefenseScoop*, March 7, 2023, <https://defensescoop.com/2023/03/07/pentagon-publishes-new-joint-concept-for-competing-warning-that-adversaries-aim-to-win-without-fighting/>.

енной силы в затяжных конфликтах в Ираке и Афганистане. Однако военным возможностям США, дававшим им преимущества во время и после Холодной войны, таким, как переброска войск, позиция в мире и передовые технологии, теперь успешно противостоят такие соперники, как Китай и Россия, и региональные противники, наподобие Ирана и Северной Кореи. Китай и Россия, понимая занятость Америки другими делами, потратили годы на развитие военных возможностей и стратегических доктрин, специально нацеленных на подрыв сильных сторон США, чтобы не дать им эффективно использовать их военную мощь.²⁸ Это наследие неоспоримого первенства, в сочетании с усилиями конкурентов по нейтрализации военных преимуществ США, представляет собой серьёзную дилемму. Вооружённые силы США переходят от возможности практически безнаказанно действовать, имея силовое преимущество, в любой точке мира к необходимости соперничать с противниками на грани войны, особенно в спорных регионах и в общемировом масштабе.

Представление США о соперниках

Как отмечено выше, в США определяют стратегическое соперничество как возобновление идеологического противоборства и борьбу демократии с авторитаризмом. Китай явно считается главной угрозой, а в России – и, в меньшей степени, таких региональных игроках, как Иран и Северная Корея – видят «острые» угрозы, которые нужно аккуратно уравновесить. По мнению США, если позволить этим государствам достичь их стратегических целей и получить преимущества, это подорвёт либерально-демократический международный порядок, создаст экзистенциальную угрозу ценностям и стабильности, поддерживаемым США и их союзниками.²⁹

Что изменилось, и почему это важно?

После того, как стратегическое соперничество стало основным конструктом безопасности в американской стратегии, общие цели и интересы оставались неизменными. Прежде всего, американские стратегии долгое время считали первенство США критически важным для стабильности и процветания страны и мира. Но главным изменением стало чёткое определение Китая, как «быстрорастущей» угрозы от развивающейся державы. Эта динамика – статус-кво против развивающейся державы – очевидна и является центральной в нарративе ловушки Фукидида, лежащей в основе американской стратегии.

Китай: «быстрорастущая» угроза

Китай – главная забота Америки в стратегическом соперничестве и основной фактор изменения стратегического подхода США.³⁰ Как отмечено выше,

²⁸ Congressional Research Service, *Great Power Competition: Implications for Defense*.

²⁹ Established in the President's introduction; Biden, *National Security Strategy*, 2-3.

³⁰ Winkler, "Strategic Competition and US-China Relations," 345.

после Холодной войны стратегия США исходила из предположения, что Китай будет реформироваться, демократизироваться и приводить свои действия в соответствие с мировыми нормами, поскольку ему выгоден рост экономических, дипломатических и культурных связей со США и глобальным Западом. Вместо этого Китай использовал эти возможности, чтобы сделать обратное: Компартия Китая упрочила автократию, одновременно подпитывая экономический рост и наращивая военную мощь.³¹

Будучи главным соперником, Китай занимает центральное место в американской стратегической мысли. Стратегии администраций Обамы, Трампа и Байдена определяют Китай как «быстрорастущую» угрозу — новый термин, указывающий на то, что ответные действия США должны соответствовать или опережать действия Китая. Однако термин «рост» проблематичен, поскольку он подразумевает линейную конкуренцию между державами, сродни гонке, где нынешний лидер пытается помешать сопернику. Эта точка зрения по своей сути американская и упускает из виду асимметричные действия и различные подходы, которые страны часто используют в более широкой системе международных отношений.³²

Это превращает парадигму ловушки Фукидида в серьёзную дилемму для американского руководства. Как мы отметили, соперничество между нынешним лидером и растущим конкурентом усиливает напряжённость и повышает вероятность просчёта. Кроме того, действия союзников или «сдерживающих» государств могут непреднамеренно втянуть одну из стран в конфликт. По иронии судьбы, назвав Китай явной угрозой и формулируя стратегическое соперничество с Китаем как самоцель, США повышают риск конфликта, несмотря на стратегию его предотвращения.³³

Россия, как вредитель

В стратегических документах США говорится, что Россия угрожает международной стабильности, и подчёркивается, что американские союзники и партнёры, соблюдающие международные договорённости, такие, как союз НАТО, противодействуют этой «непосредственной и постоянной угрозе».³⁴ В то время как американские стратегии одна за другой определяли главной угрозой Китай, Россия остаётся в центре внимания из-за войны на Украине,

³¹ Kurt M. Campbell and Ely Ratner, "The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations," *Foreign Affairs*, February 13, 2018, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-02-13/china-reckoning>.

³² Richard Ned Lebow, "Reason, Cause, and Cultural Arrogance," *E-International Relations*, April 11, 2023, <https://www.e-ir.info/2023/04/11/reason-cause-and-cultural-arrogance/>. Лебоу приводит интересный аргумент о том, что теория международных отношений основана на западном разуме и понимании и поэтому не учитывает подходы других культур. Об этом часто говорят, обсуждая военные стратегии, но я впервые увидел потенциально интеллектуальный отход от банальностей о том, что другие культуры «отличаются».

³³ Biden, *National Security Strategy*, 24-25.

³⁴ Biden, *National Security Strategy*, 17, 25-26.

интервенции в «ближнем зарубежье» и регулярного использования политической войны – кибератак и дезинформации – для дестабилизации противников. Примечательно, что в стратегии администрации Байдена отмечена важность «превзойти Китай и сдержать Россию».³⁵ Пока американские лидеры отдают приоритет соперничеству с Китаем, им приходится постоянно реагировать на прямые угрозы из-за действий России, которые являются вопиющими нарушениями международного порядка и прямо угрожают союзникам и партнёрам в Европе. Это отвлекает ресурсы, людей и усилия, которые правительство США предпочло бы направить на противодействие Китаю. Проблема приоритетов видна в разделе о военных средствах. Например, нынешняя американская стратегия направлена на «объединение наших альянсов в Индо-Тихоокеанском регионе и Европе». Основное внимание в этом разделе уделено тому, как один регион влияет на другой. Однако лишь одно предложение в нём посвящено роли тихоокеанских союзников в противодействии российской агрессии в Европе, в остальном говорится о помощи европейских союзников и партнёров в Африке и Южной Америке для противодействия Китаю, особенно в Тайваньском проливе. В контексте парадигмы ловушки Фукидида Россия представляет острую угрозу, создающую дилеммы и для США, и для Китая. Посмотрим, сможет ли американский подход к стратегическому соперничеству, с его акцентом на Китае, эффективно противостоять реальной угрозе, которую Россия несёт основанному на правилах международному порядку.

Как борется Америка?

США используют при соперничестве три главных ресурса: систему союзов и связей, экономику, и вооружённые силы. В нынешней стратегии эти ресурсы упомянуты в разделе «Инвестирование в нашу силу». Однако национальная стратегия администрации Байдена – не первый стратегический документ, где упомянуты эти важные ресурсы. Конкурентоспособность США основана на их приверженности международным либеральным институтам, которые продвигают демократические ценности, открытую экономику и разрешение конфликтов путём арбитража. Однако в контексте стратегического соперничества эту приверженность можно считать роскошью, учитывая, что после Второй мировой войны всё это опиралось на военную и экономическую мощь США. Способность США сохранять эту приверженность является фундаментом их соперничества с Китаем и Россией.

Американское лидерство – благословение и проклятие

Роль США в Холодной войне и стратегическая неразбериха после её окончания создали проблемы для американских представлений. «Возврат» к стратегическому соперничеству помог Соединённым Штатам осознать угрозы своему лидерству, но их стратегический подход за последние сорок

³⁵ Biden, *National Security Strategy*, 23.

лет породил ожидания – как внутри страны, так и за рубежом – что Америка будет реагировать на все угрозы, от региональных реваншистских держав, таких, как Иран и Северная Корея, до транснациональных проблем, как то права человека, изменение климата, экстремизм и нехватка продовольствия.³⁶

Согласно Стратегии национальной безопасности Байдена, США должны и будут реагировать, но она содержит оговорку о том, что в этих областях даже конкуренты могут договариваться и сотрудничать.³⁷ Напротив, согласно Стратегии национальной безопасности Трампа, взаимодействие с соперниками подрывает американскую стратегию и неверно представляет намерения наших противников.³⁸ Стратегия Трампа ясно указывает на то, что хотя США должны взаимодействовать с соперниками, это нужно делать с пониманием, что всё это – элемент противостояния. Это различие представляет собой водораздел в понимании различными частями американского истеблишмента стратегии и внешней политики, иллюстрируя слабость подхода США к стратегическому соперничеству.

Кроме того, союзники и партнёры создают для США как возможности, так и проблемы. Вашингтон видит в союзах и договорах наподобие НАТО важные стратегические преимущества. Американская военная мощь, возможности применения силы, передовые технологии и экономическая мощь лежат в основе этих отношений, создавая коалицию государств-единомышленников, которая представляет собой мощный сдерживающий фактор и противовес растущему влиянию Китая и разрушительным действиям России, Ирана и Северной Кореи.³⁹ Однако поддержание этих союзов тоже создает проблемы. Как отмечено выше, непоследовательный стратегический подход США к стратегическому соперничеству породил ожидания, что Соединенные Штаты будут реагировать на любой кризис, независимо от его стратегической важности. Внутри страны это возродило традиционный американский скептицизм в отношении иностранных связей и может привести к изменению приоритетов, как предвещала стратегия Трампа. Парадигма ловушки Фукидида предсказывает, что США с большей вероятностью будут реагировать на кризисы союзников, независимо от американских приоритетов, понимая, что потеря союзника или партнёра более существенна, чем трата ресурсов на второстепенные дела.⁴⁰ Согласование этих обязательств представляет собой одну из линий разлома по Фукидиду, где просчёт более вероятен.

³⁶ Stephen Wertheim, “Why America Can’t Have It All: Washington Must Choose Between Primacy and Prioritizing,” *Foreign Affairs*, February 14, 2024, www.foreignaffairs.com/united-states/why-america-cant-have-it-all.

³⁷ Biden, *National Security Strategy*, 6.

³⁸ Trump, *National Security Strategy of the United States of America*, 3.

³⁹ Biden, *National Security Strategy*, 16-19.

⁴⁰ Allison, *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides’s Trap?*

Заключение

Использование стратегического соперничества в национальных стратегиях США отражает фундаментальное признание изменения картины мира, в частности, угроз со стороны Китая, России и других реваншистских государств. После Холодной войны США наслаждались периодом неоспоримого превосходства, подкрепляемого оптимистическими ожиданиями гармонии либерального мирового порядка. Однако реалии геополитики оказались гораздо сложнее, с появлением таких держав, как Китай, и возвращением таких игроков, как Россия, принципиально оспаривающих этот нарратив. Термин «стратегическое соперничество» требует от Соединенных Штатов пересмотреть свой подход, признав многогранный характер современных угроз и необходимость адаптироваться к более динамичным и сложным условиям. Что особенно важно, эта парадигма подчёркивает важность сохранения американского первенства в формировании международного порядка, признавая как возможности, так и проблемы, создаваемые союзниками и противниками. Однако формулирование стратегического соперничества как самоцели рискует укрепить конструкт, подобный ловушке Фукидида, что потенциально повышает вероятность конфликта и просчёта.

Со вступлением США в эпоху конкуренции они должны стратегически использовать дипломатию, экономическую мощь и военные способности совместно с сетью союзников, чтобы защитить свои интересы и поддержать принципы свободного, открытого и безопасного международного порядка. Игнорирование этого императива грозит не только подрывом американского лидерства, но и дестабилизацией всего мира. Это указывает на критическую важность стратегического предвидения и устойчивости при решении возникающих проблем.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Мэтью Ноймайер – преподаватель и заведующий кафедрой стратегических исследований в Европейском центре исследований безопасности им. Дж. Маршалла. Высказанные в этой статье мысли принадлежат автору и не отражают точку зрения Центра Маршалла, Сухопутных войск или Министерства обороны США.

Библиография

- “Great Power Competition: Implications for Defense – Issues for Congress,” CRS Report R43838 (Washington, DC: Congressional Research Service, May 16, 2023), <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R43838/95>.
- “Joint Concept for Competing,” Joint Chiefs of Staff, February 10, 2023, <https://s3.documentcloud.org/documents/23698400/20230213-joint-concept-for-competing-signed.pdf>.
- “Pentagon’s Joint Concept for Competing,” U.S. Naval Institute, March 9, 2023, <https://news.usni.org/2023/03/09/pentagons-joint-concept-for-competing>.
- Allison, Graham, *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides’s Trap?* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017).
- Biden, Joseph R., *National Security Strategy* (Washington, DC: White House, October 2022), <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.
- Boroff, Alexander, “What Is Great-Power Competition, Anyway?” Modern War Institute at West Point, April 17, 2020, <https://mwi.westpoint.edu/great-power-competition-anyway/>.
- Brands, Hal, *The Twilight Struggle: What the Cold War Teaches Us About Great-Power Rivalry Today* (New Haven and London: Yale University Press, 2022).
- Campbell, Kurt M., and Ely Ratner, “The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations,” *Foreign Affairs*, February 13, 2018, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-02-13/china-reckoning>.
- Fukuyama, Francis, *The End of History and the Last Man* (New York, NY: Maxwell Macmillan, 1992).
- Kagan, Donald, *On the Origins of War and the Preservation of Peace*, 1st ed. (New York, NY: Doubleday, 1995).
- Lebow, Richard Ned, “Reason, Cause, and Cultural Arrogance,” *E-International Relations*, April 11, 2023, <https://www.e-ir.info/2023/04/11/reason-cause-and-cultural-arrogance/>.
- Obama, Barack, *National Security Strategy* (Washington, DC: White House, February 2015), https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf.
- Overfield, Cornell, “Biden’s ‘Strategic Competition’ Is a Step Back,” *Foreign Policy*, October 13, 2021, <https://foreignpolicy.com/2021/10/13/biden-strategic-competition-national-defense-strategy/>.
- Pomerleau, Mark, “Pentagon Publishes New ‘Joint Concept for Competing,’ Warning That Adversaries Aim to ‘Win Without Fighting,’” *DefenseScoop*, March 7, 2023, <https://defensescoop.com/2023/03/07/pentagon-publishes-new-joint-concept-for-competing-warning-that-adversaries-aim-to-win-without-fighting/>.

- Preble, Christopher, "A Credible Grand Strategy: The Urgent Need to Set Priorities," *Stimson Report* (Washington, D.C.: The Stimson Center, January 2024), <https://www.stimson.org/wp-content/uploads/2024/01/Grand-Strategy-Report-WEB.pdf>.
- Raimondo, Gina, "Innovation, Equity, and Resilience: Strengthening American Competitiveness in the 21st Century," U.S. Department of Commerce Strategic Plan 2022-2026 (Washington, D.C.: U.S. Department of Commerce, 2022), <https://www.commerce.gov/sites/default/files/2022-03/DOC-Strategic-Plan-2022%E2%80%932026.pdf>.
- Thucydides, Robert B. Strassler, and Richard Crawley, *The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to the Peloponnesian War*, 1st Touchstone ed. (New York, NY: Simon & Schuster, 1998).
- Trump, Donald, *National Security Strategy of the United States of America* (Washington, DC: White House, December 2017), 26, <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.
- Wertheim, Stephen, "Why America Can't Have It All: Washington Must Choose Between Primacy and Prioritizing," *Foreign Affairs*, February 14, 2024, <https://www.foreignaffairs.com/united-states/why-america-cant-have-it-all>.
- Winkler, Stephanie Christine, "Strategic Competition and US-China Relations: A Conceptual Analysis," *The Chinese Journal of International Politics* 16, no. 3 (Autumn 2023): 333-356, <https://doi.org/10.1093/cjip/poad008>.